КІЕВСКІЯ
ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

Цѣна годовому изданію 3 р. 60 к. съ пересылкою.

Выходятъ два раза въ мѣсяцъ 1 и 16 чиселъ.

1893 года. **№ 11.** 1 Іюня.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

СЛОВО

на Вознесеніе Господне и въ день рожденія Благовѣрнаго Государя Цесаревича, Великаго князя Николая Александровича.

Егда (Апостолы) взирающе бяху на небо, идущу Ему (Іисусу Христу), и се мужа два стаста предъ ними въ одеждѣ бѣлѣ, иже и рекоста: мужіе галилейстіи, что стоите, зрящe на небо; Сей Іисусъ, вознесыйся отъ васъ на небо, такожде пріидетъ, имже образомъ видѣсте Его идуща на небо. Тогда возвратишася въ Іерусалимъ съ радостію великою. Дѣян. Апост. 1, 11—12; Лук. 24, 53.

Вознесеніе Іисуса Христа на небо было для Апостоловъ, очевидно, событіемъ неожиданнымъ. Общее тогдашнимъ іудеямъ вѣрованіе въ земное ѳеократическое царство Мессіи было и ихъ вѣрованіемъ,

отъ котораго они не могли отрѣшиться до послѣднихъ минутъ видимаго пребыванія Іисуса Христа на землѣ, такъ какъ предъ самымъ вознесеніемъ Его на небо они спрашивали Его: *Господи, аще въ лѣто сіе устрояши царство Израилево*, то есть: не настала ли уже пора воцариться Тебѣ надъ всѣми народами, между которыми Израиль, прежде славный, а теперь униженный и порабощенный, снова займетъ первое мѣсто? Поэтому, когда Господь, сказавъ имъ въ отвѣтъ, что *не ихъ дѣло разумѣти времена и лѣта, яже Отецъ положи во своей власти*, тотчасъ же *поднялся въ глазахъ ихъ*, отдѣлился отъ земли и понесся по воздуху вверхъ, и затѣмъ, окруженный облакомъ, совсѣмъ скрылся *изъ вида ихъ*; то явленіе это до того поразило ихъ, что, устремивъ очи свои на небо, они стояли въ нѣкоторомъ изумленіи и вѣроятно долго не могли прійти въ себя, такъ что потребовалось особенное средство для ихъ нравственнаго пробужденія: явились Ангелы и сказали имъ: *мужи Галилейскіе! Что вы стоите и смотрите на небо? Сей Іисусъ, вознесшійся отъ васъ на небо, придетъ такимъ же образомъ, какъ вы видѣли Его восходящимъ на небо.*

Но чѣмъ упорнѣе держалось въ душахъ Апостоловъ предубѣжденіе, тѣмъ удивительнѣе дѣйствіе, произведенное на нихъ нѣсколькими словами Ангеловъ. Какъ будто вдругъ спала какая то пелена съ ихъ очей и имъ ясно открылся божественный планъ великаго служенія небеснаго Учителя ихъ. Они не только пробудились отъ изумленія, но и исполнились глубокою радостію, съ которою возвратились въ Іерусалимъ и которая потомъ одушевляла ихъ всегда, среди самыхъ трудныхъ обстоятельствъ на поприщѣ ихъ апостольскаго служенія (2 Кор. 4, 8—10; 6, 10).

Братіе! Что исполнило радостію Апостоловъ, тоже можетъ и должно быть неизсякаемымъ источникомъ духовной радости и для всякаго христіанина, во время и при всякихъ обстоятельствахъ его жизни.

Господь придетъ. Итакъ Онъ не оставилъ на произволъ судьбы основаннаго Имъ на землѣ благодатнаго царства. Невидимо, но тѣмъ не менѣе дѣйствительно, Онъ продолжаетъ свое служеніе спасенію нашему. Что Имъ посѣяно, то возрастетъ подъ Его незримымъ попеченіемъ. Наступитъ время жатвы, и Сѣятель явится

собрать плоды съ своей нивы въ житницы небесныя. Поэтому истинно вѣрующимъ свойственно жить главнымъ образомъ упованіемъ на открытіе въ будущемъ блаженнаго царства славы, съ новымъ пришествіемъ къ людямъ ихъ Искупителя. *Наше житіе на небесѣхъ есть, отонудуже и Спасителя ждемъ Господа нашего Іисуса Христа* (Филип. 3, 20), учитъ насъ св. Апостолъ и, въ силу этого, заповѣдуетъ намъ *всегда радоваться, о всемъ благодарить* (Кол. 5, 17—18).

Но не можетъ ли кого нибудь изъ насъ смущать постоянно усиливающееся въ послѣднія времена противохристіанское направленіе? Зло невѣрія, конечно, всегда существовало въ христіанскомъ мірѣ; но едва ли когда оно было такъ заразительно, какъ нынѣ. Прежде большею частію, подобно другимъ порокамъ, оно старалось укрываться отъ взоровъ людей, а теперь выступаетъ открыто, облекаясь въ одежду научнаго знанія и разумнаго убѣжденія, и какъ бы по праву хочетъ замѣнить собою вѣру Христову. Все громче и громче проповѣдуется многими съ ученыхъ каѳедръ, будто бы наука приводитъ къ міровоззрѣнію, далеко не согласному съ догматами христіанскими, и потому имѣетъ не только право, но и долгъ очищать христіанскій міръ отъ разныхъ предубѣжденій и суевѣрій, которыхъ будто бы нечуждо и евангельское ученіе. И такая проповѣдь находитъ себѣ слушателей и послѣдователей во всѣхъ слояхъ гражданскихъ обществъ и даже въ средѣ правительства у нѣкоторыхъ христіанскихъ народовъ. Что же, устоитъ ли христіанство противъ ежедневно, можно сказать, усиливающагося напора на него враждебныхъ ему понятій и стремленій? Не грозитъ ли ему опасность пораженія въ будущемъ, можетъ быть даже не очень далекомъ отъ настоящаго?

Нѣтъ, такое опасеніе крайне несвойственно истинному христіанину. Если онъ не можетъ не скорбѣть при видѣ широко распространяющагося невѣрія, то еще менѣе можетъ недоумѣвать о судьбѣ христіанства. Пусть большая часть вѣрующихъ не въ состояніи различить, что преподается дѣйствительно наукою и что ложно утверждается во имя науки; но вѣра Христова такова, что она въ себѣ самой заключаетъ очевидные и неоспоримые признаки истины. Невѣріе только отрицаетъ и разрушаетъ, а вѣра Христова

имѣетъ зиждительную силу. Истинно христіанская жизнь есть такое крѣпкое и прекрасное созданіе, какое можетъ возникать только на прочномъ основаніи и подъ руководствомъ сильнаго и мудраго строителя. Церковь Христова есть такой стройный и крѣпкій организмъ, какой способна образовать только живая и по вѣчнымъ законамъ дѣйствующая сила. Это легко понимается всякимъ, кто не устами только исповѣдуетъ истину вѣры Христовой, но проникнутъ ея духомъ. Изъ этого же открывается, что противохристіанская проповѣдь привлекаетъ къ себѣ людей не силою истины, а чѣмъ то инымъ. Необинуясь можно сказать, что она увлекаетъ больше всего поблажкою порочнымъ наклонностямъ поврежденной природы нашей. Пока сохраняется въ человѣкѣ хотя слабая вѣра въ евангельскія истины, въ немъ не исчезаетъ сознаніе преступности порока, не притупляется вполнѣ чувство стыда, не искореняется страхъ отвѣтственности за недостойное поведеніе; но какъ скоро такого человѣка увѣряютъ во имя науки, что вѣра въ Бога, во Христа Искупителя, въ загробную жизнь, въ страшный судъ и проч. есть не болѣе, какъ фантастическое представленіе людей, незнакомыхъ съ наукою, то его освобождаютъ отъ многихъ требованій нравственнаго закона, не позволявшихъ ему дотолѣ свободно отдаваться грѣховнымъ влеченіямъ своимъ, и даютъ легкое средство успокоивать или, вѣрнѣе, усыплять свою совѣсть, посредствомъ авторитета мнимой науки. Такимъ образомъ проповѣдники безвѣрія не убѣждаютъ, а обольщаютъ слабыхъ христіанъ, отторгая ихъ отъ церкви Христовой. Но что не основано на правдѣ, то не прочно, и окончательное торжество въ нравственномъ мірѣ принадлежитъ не измышленіямъ человѣческимъ, а богооткровенной истинѣ.

Господь самъ предвозвѣстилъ, что созданной Имъ на землѣ церкви никакія врежѣебныя силы не одолѣютъ (Матѳ. 16, 18), хотя, по Его же предреченію, противъ нее постоянно будетъ возставать міръ и по временамъ отторгать отъ нея цѣлыя массы ея членовъ (Лук. 18, 8).—Успѣхи невѣрія, какъ бы велики ни были по временамъ, суть только временныя явленія. Міръ не только будетъ, но уже и есть побѣжденъ, какъ сказалъ Іисусъ Христосъ ученикамъ своимъ предъ страданіями своими: *въ мірѣ скорбни будете, но дерзайте, яко Азъ побѣдихъ міръ* (Іоан. 16, 33). Это

значитъ, что корни зла въ мірѣ уже подсѣчены, а сѣмя добра насаждено въ немъ такъ, что, не смотря на всѣ неблагопріятныя для него обстоятельства, будетъ постоянно возрастать до полнаго развитія своего. Зная это, истинно вѣрующій не теряетъ бодрости духа и свѣтлаго взгляда на жизнь, хотя въ тоже время и скорбитъ объ увлеченіи христіанъ ложными ученіями. Не равнодушіемъ къ тому, что происходитъ въ области религіозной жизни, сохраняетъ онъ миръ въ душѣ своей; нѣтъ, онъ словомъ и дѣломъ, на сколько можетъ, противодѣйствуетъ злу невѣрія; спокойнымъ же остается потому, что *знаетъ, въ Кого вѣруетъ*, (2 Тим. 12) и на этой вѣрѣ, какъ на незыблемой скалѣ, утверждается такъ, что сдвинуть его съ мѣста, поколебать, смутить, ничто не въ состояніи.

Такъ должны поступать и мы, при видѣ глубоко прискорбныхъ явленій распространяющагося среди христіанскихъ народовъ невѣрія. Да будутъ одинаково далеки отъ насъ какъ равнодушіе къ состоянію вѣры Христовой, такъ и уныніе по поводу неблагопріятныхъ для нея обстоятельствъ въ самомъ христіанскомъ мірѣ. Нашъ долгъ противодѣйствовать злу по мѣрѣ силъ нашихъ; но если бы недобрый духъ времени и казался порою сильнѣе духа христіанскаго благочестія, то не дадимъ въ себѣ мѣста никакому недоумѣнію касательно вѣчнаго торжества истины и правды Божіей.

Братіе! Мы тѣмъ съ большею бодростію можемъ смотрѣть на борьбу вѣры съ невѣріемъ, что, по милости Божіей, живемъ подъ покровомъ такой державной Власти, которая сама питаетъ глубокія чувства благоговѣнія и любви къ церкви Христовой и своимъ подданнымъ внушаетъ твердо держаться ея вѣроученія и правилъ жизни. Не даромъ у насъ съ торжествами церковными соединяются не рѣдко и торжества гражданскія, какъ нынѣ напримѣръ — съ праздникомъ Вознесенія Господня торжество о рожденіи Благовѣрнаго Государя Цесаревича, Наслѣдника Благочестивѣйшаго Царя, Отца своего. Такой союзъ церкви съ государствомъ — великое благо для вѣрующихъ. Будемъ же усердно молиться Господу, Царю церкви и всего міра, да почиваетъ непрестанно Его благословеніе на Благочестивѣйшемъ Монархѣ нашемъ, на Его Августѣйшей Супругѣ, на Его Наслѣдникѣ — Благовѣрномъ Государѣ Цеса-

ревичѣ и на всемъ Царствующемъ домѣ, *да тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ* (1 Тим. 2, 1—2).

Протоіерей *Н. Ѳаворовъ.*

Въ защиту кіевскаго митрополита Петра Могилы.

(*Окончаніе*).

3) *Вступленіе П. Могилы на кіевскую митрополію и его отношенія къ своему предшественнику Исаіи Копинскому.* Послѣ смерти Іова Борецкаго, посвященнаго іерусалимскимъ патріархомъ Ѳеофаномъ (9 окт. 1620 г.) безъ королевскаго на то соизволенія,—православными южно-руссами избранъ былъ на кіевскую митрополію архіепископъ смоленскій и черниговскій Исаія Копинскій, пребывавшій въ то время въ Густынской обители. Посвященіе Исаіи (безъ сношенія съ константинопольскимъ патріархомъ) совершено было греческимъ Верейскимъ митрополитомъ Кирилломъ, находившимся тогда (на пути въ Москву) въ западно-русскихъ областяхъ. Разумѣется, это вступленіе на православную митрополичью каѳедру втораго послѣ введенія уніи избранника народнаго не было явленіемъ пріятнымъ и желательнымъ для польскаго правительства, тѣмъ не менѣе оно должно было примириться съ совершившимся фактомъ, хотя по прежнему оффиціально не признавало и этого новаго митрополита *законнымъ* (съ своей, государственной точки зрѣнія) іерархомъ.

30 апрѣля 1632 года умеръ польскій король Сигизмундъ III. Православные южно-руссы воспользовались наступившимъ междуцарствіемъ, какъ благопріятнымъ временемъ для заявленія требованій чѣмъ либо обиженныхъ сторонъ, и на сеймахъ (конвокаціонномъ и избирательномъ) употребили всѣ усилія къ тому, чтобы возстановить нарушенныя въ предшествующее царствованіе права своей церкви. Одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ этомъ религіозномъ движеніи южно-русскаго народонаселенія, единодушно выступившаго на защиту своей вѣры, безспорно принадлежитъ кіево-печерскому архимандриту П. Могилѣ, заслуга котораго въ

дѣлѣ возстановленія правъ православной церкви сотояла, главнымъ образомъ, въ томъ, что онъ съумѣлъ оцѣнить всѣ благопріятныя для православія условія и, искусно пользуясь ими, съ неуклонною рѣшимостью и неутомимою энергіею преслѣдовалъ свои цѣли или, вѣрнѣе, цѣли православія до тѣхъ поръ, пока онѣ не увѣнчались желаемымъ успѣхомъ.

Наиважнѣйшимъ успѣхомъ, достигнутымъ православными на означенныхъ сеймахъ, было возвращенное имъ право имѣть собственную *оффиціально признававшуюся польскимъ правительствомъ* іерархію. Этимъ правомъ православные южно-руссы воспользовались, по видимому, своеобразно: они не представили на утвержденіе короля своихъ наличныхъ архипастырей, но озаботились избраніемъ новыхъ. Мы не думаемъ, чтобы къ этому,—какъ утверждаютъ нѣкоторые изслѣдователи [1],—православные принуждены были непреклонностію короля признать и утвердить прежнихъ святителей. Мотивы у избирателей могли быть другіе,—что́ нами, по возможности, въ свое время и было выяснено (*Кіев. митроп. П. Могила*, I, стр. 534—536). Всѣ наличные епископы, какъ-то: *Исаакій Борисковичъ*, епископъ луцкій и острожскій, *Паисій Ипполитовичъ*, епископъ холмскій и бѣльскій и *Авраамій*, епископъ туровскій и пинскій (за исключеніемъ львовскаго епископа *Іереміи Тиссаровскаго*, еще въ 1607 году утвержденнаго въ семъ званіи польскимъ правительствомъ и потому остававшагося statu quo), не заявили протеста по поводу удаленія своего съ каѳедръ, и по прежнему не прекращали добрыхъ отношеній къ П. Могилѣ,—одному изъ главныхъ виновниковъ совершившагося іерархическаго переворота. Объ этихъ добрыхъ отношеніяхъ къ новоизбранному митрополиту всѣхъ трехъ поименованныхъ епископовъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ уже тотъ фактъ, что всѣ они, безъ сомнѣнія, вслѣдствіе желанія и по вызову П. Могилы, прибыли ко дню его посвященія на митрополію во Львовъ и принимали участіе въ самомъ посвященіи, придавши оному своимъ присутствіемъ особенную торжественность, а главное засвидѣтельствовавши свою покорность и благорасположеніе новому митрополиту.

---

[1]) Исторія Рус. церкви. преосв. Макарія. XI, стр. 443.

Но не такъ отнесся къ означенному перевороту въ iерархическомъ положенiи западно-русской церкви ея верховной представитель—бывшiй митрополитъ Исаiя Копинскiй. Онъ не примирился съ совершившимся фактомъ и не пожелалъ добровольно отказаться отъ своихъ митрополитанскихъ правъ, считая, безъ сомнѣнiя, возведенiе Могилы на первосвятительскую каѳедру *незаконнымъ* и притомъ для интересовъ православiя *нежелательнымъ*. Объяснять протестъ Исаiи Копинскаго относительно избранiя П. Могилы на митрополiю однимъ честолюбiемъ, а также желанiемъ удержать за собою первенствующее положенiе въ церкви изъ-за выгодъ житейскихъ,—едва-ли справедливо. (Безъ сомнѣнiя, П. Могила почтилъ-бы старца и матерiально его обезпечилъ). Отношенiя, въ какiя сталъ прежнiй митрополитъ къ новому, имѣли болѣе глубокiя основанiя, коренившiяся въ характерѣ, мiросозерцанiи, вообще во всемъ религiозно-нравственномъ обликѣ Исаiи. Между Исаiею Копинскимъ и Петромъ Могилою было слишкомъ мало общаго: правда, оба они были искреннiе ревнители православiя, но ревнители, шедшiе къ цѣли различными путями,—ревнители, нерѣдко расходившiеся въ своихъ взглядахъ и мiросозерцанiи до противоположности.

Петръ Могила принадлежалъ къ числу ревнителей православiя направленiя (употребляемъ современное выраженiе) *либеральнаго*. Будучи самъ человѣкомъ по тому времени всесторонне образованнымъ, онъ пламенѣлъ любовiю къ просвѣщенiю и болѣе чѣмъ кто-либо изъ его сторонниковъ сознавалъ настоятельную надобность въ возвышенiи научнаго уровня въ средѣ единовѣрныхъ ему южно-руссцевъ. Въ *невѣжествѣ* Могила усматривалъ *поношенiе* русскаго народа, и мы знаемъ, что одною изъ главныхъ заботъ сего iерарха было стремленiе снять это поношенiе,—причемъ въ основанныхъ съ этою цѣлiю школахъ (по настоятельнымъ потребностямъ времени) заимствованiя изъ программы иновѣрныхъ учебныхъ заведенiй допускались (имѣемъ въ виду *формальную*, а не *матерiальную* сторону) въ широкихъ размѣрахъ. Безъ фанатизма относился П. Могила и къ лицамъ иновѣрныхъ исповѣданiй: входилъ съ ними въ сношенiя, велъ переписку, не отказывался отъ ихъ содѣйствiя въ своихъ дѣлахъ, и т. п.

Иначе смотрѣла на положенiе дѣлъ въ юго-западной Руси

и сообразно съ этимъ вела себя партія *консервативная.* Она бѣдственное положеніе православныхъ южно-руссцевъ объясняла уклоненіемъ отъ святоотеческихъ преданій и взывала о возвращеніи къ нимъ. Выдвигая на первый планъ это положеніе, консерваторы въ принципѣ не расходились съ либеральными ревнителями православія, которые тоже высоко цѣнили означенныя традиціи и отнюдь не ратовали противъ нихъ. Существенное различіе между тѣми и другими заключалось въ дальнѣйшемъ развитіи указаннаго положенія и примѣненіи его на практикѣ. Въ то время, когда образованные ревнители православія, дорожа преданіями, завѣщанными древностію, стремленіе къ наукѣ, въ широкомъ значеніи этого слова, не считали имъ противорѣчащимъ и обращались за научными пособіями къ иновѣрнымъ школамъ,—партія консервативная, имѣвшая во главѣ большею частію сподвижниковъ, прошедшихъ только суровую иноческую школу, смотрѣла на положеніе вещей исключительно съ узко-аскетической точки зрѣнія. Незнакомая или мало знакомая съ свѣтскою наукою, она отрицательно относилась къ ней,—тѣмъ болѣе, что наука эта текла изъ иновѣрнаго источника. Отсюда корень зла въ современномъ обществѣ ревнители православія указаннаго направленія видѣли въ сближеніи съ иновѣрцами, особенно въ желаніи заимствовать у нихъ просвѣщеніе,—причемъ вообще о наукѣ свѣтской отзывались крайне пренебрежительно, какъ о предметѣ суетномъ, доставляющемъ (и то не всегда) временныя блага, а для жизни вѣчной, для спасенія души не только безполезномъ, но даже положительно вредномъ, гибельномъ.

Исаія Копинскій былъ однимъ изъ видныхъ представителей этого наукобоязливаго направленія. Въ этомъ и коренится *главная причина* его непріязненныхъ отношеній къ науколюбивому и просвѣщенному своему противнику.

Обращаемся къ предмету, непосредственно насъ интересующему, и ставимъ вопросы: *законно-ли* было вступленіе Петра Могилы на кіевскую митрополичью каѳедру при жизни не отказывавшагося отъ своего званія митрополита Исаіи Копинскаго? и было ли это поступленіе на каѳедру при живомъ митрополитѣ *необходимостью,* или иначе—*вызывалось ли оно насущными потребностями южно-русской церкви?*

Извѣстно, что возстановленная іерусалимскимъ патріархомъ Ѳеофаномъ западно-русская іерархія (возстановленная *церковнымъ порядкомъ*) не признана была *законно существующею* польскимъ правительствомъ, т. е. гражданскимъ закономъ. Такимъ образомъ даже на этомъ основаніи православные южно-руссы, получившіе право имѣть свою, *гражданскимъ закономъ* признававшуюся іерархію, могли приступить къ избранію новаго митрополита и новыхъ епископовъ, игнорируя прежнихъ. Но такъ какъ въ данномъ случаѣ, въ особенности при избраніи митрополита, приходилось имѣть въ виду и каноническія постановленія, то не была упущена изъ вниманія и эта сторона. Исаія Копинскій не получалъ благословенія на митрополію отъ константиноп. патріарха,—какъ это требовалось установившеюся практикою. Петръ Могила, послѣ своего избранія въ митрополиты, немедленно отправилъ посольство въ Константинополь съ просьбою о благословеніи (*о сакрѣ*) патріарха, причемъ изложены были и обстоятельства, при коихъ совершилось избраніе его—просителя—на первосвятительскую каѳедру [1]) Тогдашній митрополитъ Кириллъ Лукарисъ нашелъ это избраніе правильнымъ, прислалъ Могилѣ свое благословеніе (сакру) на митрополію и вмѣстѣ съ тѣмъ грамоту, которою устранялъ («низвергалъ») отъ митрополичьей каѳедры Исаію Копинскаго, вслѣдствіе чего послѣдній «доброволне зреклсе такъ уряду, якъ и титулу митрополитанскаго, ижъ его собѣ доброволне южъ до смерти привлащати не маетъ» [2]). Такимъ образомъ, и съ *канонической* точки зрѣнія вступленіе П. Могилы на митрополію обставлено было всѣми формальностями.

Отмѣтимъ данныя, служащія къ уясненію втораго, постановленнаго нами вопроса: насколько поступленіе Могилы на митрополію вызывалось насущными потребностями южно-русской православной церкви?

---

[1]) П. Могилою посланы были въ Константинополь къ патріарху: Patres religiosi-Esaius Trophimius, Rector Collegii Kiioviensis et *Leontius*, *praepositus monasterii s. Cyrilli.* (Охранная грамота, данная указаннымъ лицамъ отъ имени Владислава IV на свободный проѣздъ въ Константинополь, 12 нояб. 1632 г.; *рукоп.*).

[2]) Рукопис. сборникъ, хранящійся въ Московской Синодал. Типогр. библіотекѣ, № 3791/442, л. 13.

Мы сказали, что энергичныя старанія православныхъ во время открывшагося послѣ смерти Сигизмуда III междуцарствія увѣнчались желаемымъ успѣхомъ. Но какъ сравнительно ни велики были права, полученныя православными на сеймахъ, предшествовавшихъ вступленію на престолъ новаго короля, какъ ни благодѣтельными казались они для угнетаемой въ предшествующее царствованіе южно-русской церкви,—юридическимъ пріобрѣтеніемъ сихъ правъ еще далеко не обезпечивались спокойствіе и благоденствіе послѣдней. Въ разсматриваемое время, при господствовавшемъ въ Польской Коронѣ шляхетскомъ самоуправствѣ, королевскія привиллегіи,—буде онѣ не согласовались съ желаніями сильной въ государствѣ ультра-католической партіи,—не всегда получали значеніе общеобязательнаго для всѣхъ закона,—и диссидентамъ (т. е. не-католикамъ), если трудно было выхлопотать у правительства какія либо права для себя, то иногда еще труднѣе было воспользоваться ими *de facto*. Та упорная борьба, какую пришлось вести на сеймахъ православнымъ депутатамъ съ латино-уніатскою партіею по поводу возстановленія нарушенныхъ правъ своей церкви, тѣ многочисленные протесты, какія заносились этою партіею съ цѣлію затормозить дѣло православія, наконецъ нѣкоторая неопредѣленность сеймовыхъ постановленій касательно отношеній между православными и уніатами и отсрочка окончательнаго рѣшенія по этому вопросу до будущаго сейма,—все это ясно показывало, что пользованіе правами и привиллегіями, полученными православными на означенныхъ сеймахъ, не обойдется для ея защитниковъ безъ новой упорной борьбы съ поборниками католицизма и уніи. Такимъ образомъ *внѣшнее* положеніе, въ какомъ находилась въ разсматриваемое время южно-русская церковь (не говоримъ уже о *внутреннемъ* ея состояніи, требовавшемъ существенныхъ улучшеній), возлагало на представителя ея многотрудныя обязанности. Необходимо было умѣло и энергично удержать за православіемъ возвращенную ему дорогою цѣною свободу; надлежало *фактически воспользоваться* пріобрѣтенными на сеймахъ правами для православной церкви, *упрочить ихъ* за нею навсегда и, если возможно, пріумножить... Спрашиваемъ: по силамъ-ли была такая отвѣтственная задача Исаіи Копинскому,—человѣку

дряхлому, малоимущему, недостаточно просвѣщенному, до своего посвященія не занимавшему высокаго общественнаго положенія, неродовитому, а потому не имѣвшему большихъ связей съ могущественною литовско-русскою (а тѣмъ болѣе польскою) аристократіею?— Отвѣтъ долженъ быть отрицательный. Между тѣмъ обстоятельства времени требовали, чтобы во главѣ южно-русской церкви стояла личность просвѣщенная, вліятельная, притомъ небѣдная матеріальными средствами,—личность, которая могла бы хитросплетеннымъ сѣтямъ папистовъ противопоставить свою искусную тактику, ихъ эрудиціи— собственную образованность, ихъ богатству и силѣ—свое вліяніе и средства. *Такою личностію и былъ Петръ Могила*, избраніе котораго на кіевскую митрополію (безъ сомнѣнія, желаемое и имъ самимъ) должно признать событіемъ для православной южно-русской церкви *весьма плодотворнымъ*.

Нельзя отрицать, что П. Могила, выражаясь тогдашнимъ языкомъ, *чинилъ опрессіи* Исаіи Копинскому; но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не признать и того, что въ этихъ стѣсненіяхъ былъ виноватъ самъ Исаія. По возвращеніи изъ Львова П. Могила предъявилъ Копинскому патріаршую грамоту, которою онъ устранялся съ митрополіи, и Исаія «листомъ своимъ обовезалсе» Могилѣ не титуловаться митрополитомъ; но обѣщанія своего не сдержалъ и даже рѣшался накидывать нравственную тѣнь на своего соперника, какъ лица склоннаго къ измѣнѣ православію. Вслѣдствіе этого въ церкви произошли нестроенія: «одни—пишетъ Могила—насъ митрополита, другіе негдысь менуючогось быти митрополита Ісаію, а иные иныхъ, кого хто хочетъ, при службахъ и набоженствахъ церковныхъ безчинне споминаютъ, што чинятъ на раздоръ церковный и на погоршеніе немоцнѣйшихъ людей» [1]). Разумѣется, непріязненныя отношенія между П. Могилою и Исаіею Копинскимъ— явленія грустныя, но въ нихъ—повторяемъ—болѣе виноватъ самъ Исаія.

4) *Суровыя мѣры П. Могилы по отношенію къ лицамъ, ему не сочувствовавшимъ*. Іерличъ въ своихъ мемуарахъ разсказываетъ

---

[1]) Грамота П. Могилы къ православнымъ южноруссамъ (*Рукоп. Сбор.* Москов. Синод. Типогр. библ. № 3791/442).

о двухъ фактахъ изъ жизни нашего іерарха, касающихся его отношеній къ непокорнымъ инокамъ,—именно о суровыхъ наказаніяхъ, которымъ подверглись монахи монастырей—Троицкаго (въ Кіево-Печерской обители) и Кіево-Пустыннаго (Никольскаго). Въ свое время относительно этихъ фактовъ мы писали слѣдующее: «Нѣтъ основаній заподозрить (по крайней мѣрѣ въ существенныхъ чертахъ) достовѣрность означенныхъ свидѣтельствъ Іерлича о крутыхъ мѣрахъ П. Могилы относительно непокорныхъ ему иноковъ... Правда, извѣстія эти не гармонирують съ тѣми кроткими, отеческими наставленіями нашего іерарха, указанія на практическое примѣненіе которыхъ въ изобиліи встрѣчаются въ его собственноручныхъ запискахъ. Но исторія, равно какъ и современная жизнь, представляютъ многіе примѣры подобныхъ рѣзкихъ переходовъ въ дѣятельности лицъ, энергично стремящихся къ достиженію тѣхъ или другихъ цѣлей,—что̀, помимо личнаго характера, до извѣстной степени объясняется разнообразіемъ тѣхъ препятствій, которыя встрѣчаютъ на своемъ пути означенные дѣятели. Очевидно, П. Могила, желая улучшенія иноческой жизни во ввѣренныхъ его управленію обителяхъ, старался первѣе всего достигнуть этого наиболѣе соотвѣтствовавшими цѣли средствами—внушеніями, наставленіями, и т. п.; но когда подобныя кроткія мѣры не имѣли успѣха и въ средѣ монашествующихъ братій обнаруживалось сопротивленіе распоряженіямъ своего начальника,—тогда Могила круто перемѣнялъ свои отношенія къ непокорнымъ инокамъ: въ немъ проявлялись привычки сознающаго свою силу магната и онъ, опираясь на эту силу, налагалъ на братію свою властную руку... Нашъ іерархъ, какъ видно, придерживался пословицы: quod non sanant medicamenta—sanat ferrum, quod non sanat ferrum, sanat ignis... Разумѣется, насильственныя мѣры П. Могилы по отношенію къ подначальнымъ инокамъ не могутъ быть (какъ и всякое насиліе) одобряемы. Но нужно замѣтить, что подобныя крутыя мѣры были въ духѣ того времени и—что особенно не слѣдуетъ упускать изъ вида—практиковались Могилою въ сознаніи ихъ законности. Мы видимъ, что Могила одною изъ главныхъ добродѣтелей иночествующихъ братій признавалъ всецѣлое ихъ подчиненіе воли настоятеля, а образцомъ послѣдняго считалъ

человѣка, который *что доброе когда умышляше творити, вси же (иноки) сопротивляхусь, еже не быти сему, глаголаше: не отъ Бога вы се глаголите, — и творяше еже у мыслихъ бяше доброе.* При этомъ слѣдуетъ замѣтить также и то, что будучи требователенъ по отношенію къ подначальнымъ инокамъ, П. Могила былъ требователенъ и къ самому себѣ» (*Кіевс. митроп. П. Могила.* I. 333 и слѣд.). Въ настоящее время къ сказанному (на основаніи вновь открытыхъ нами документовъ) присовокупимъ свѣдѣнія о томъ, что за люди въ нравственномъ отношеніи были иноки монастыря Никольскаго, къ коимъ П. Могила вынужденъ былъ примѣнить строгія мѣры наказаній. Два изъ этихъ лицъ, упоминаемыхъ Іерличемъ, еще въ 1626 году были за тяжкія преступленія привлекаемы къ духовному суду кіево-печерской капитулы. Изъ нихъ одинъ—*Серапіонъ Бѣльскій*, по отзыву судей, «находится въ иноческомъ чину выступнымъ, братіи взгоршаетъ, пьянствомъ се збытнимъ забавляетъ, до шкоды монастырь приводитъ, честныхъ отцевъ и братію, которые его упоминали и правду мовили, з монастыря повыгонялъ, братію бьетъ, на люди стрѣляетъ, якожъ Андрея Предремирскего зъ самопалу пострелилъ, братолюбіе и церковь зъ церковію роздираетъ, котораго грѣхи, ведлугъ Іоанна Златоустаго, кровь мученическая не змываетъ». По приказанію Бѣльскаго Никодимъ Силичъ (другое лице, упоминаемое Іерличемъ въ качествѣ потерпѣвшаго отъ П. Могилы), з Епифаніемъ чернцемъ и з катомъ кіевскимъ монаха Тимоѳея замучили и замордовали, которому катови ку мученію того небожчика Тимоѳея черица своими руками помощниками были; который то змученный чернецъ Тимоѳей, видячи себе близкого ку смерти, о сповѣдника и о причастіе Пречистыхъ Таинъ Христовыхъ просилъ, а Никодимъ Силичъ и Епифаній того му не допустили, а ни сповѣдника, а ни Таинъ Христовыхъ не казали дати» [1]).

Таковы были иноки, по отношенію къ которымъ митрополитъ Петръ Могила прибѣгалъ, кромѣ церковнаго отлученія, къ суровымъ мѣрамъ наказанія!

---

[1]) См. изданные нами *Матеріалы для исторіи западно-русской церкви.* Кіевъ, 1891 г. вып. 1, № IX, стр. 71 и слѣд.

5) *Просвѣтительное значеніе Кіево-Могилянской коллегіи.* Г. Кулишъ не только умаляетъ просвѣтительное значеніе основанныхъ П. Могилою школъ, но даже признаетъ ихъ вредными для русской народности и православія. Могилянская литература, говоритъ онъ,—била водою на латино-польскія колеса. Могилянское просвѣщеніе было наивнымъ, *если не умышленнымъ продолженіемъ іезуитской работы надъ выдѣлкой добрыхъ католиковъ изъ закоренѣлыхъ въ своей малограмотности схизматиковъ* (*Отпаденіе Малорос. отъ Польши*, I. 184). Разумѣется, въ Могилянскихъ школахъ не все было поставлено такъ, какъ-бы желательно было въ научномъ отношеніи, и съ современной точки зрѣнія не мало можно усмотрѣть въ школьной программѣ пробѣловъ, недочетовъ и вообще несовершенствъ. Но (какъ мы говорили въ свое время) при оцѣнкѣ просвѣтительнаго значенія древней нашей Академіи не слѣдуетъ упускать изъ вида другой, именно, исторической точки зрѣнія, наиболѣе въ данномъ случаѣ справедливой. Кіево-Могилянская коллегія была у насъ первымъ высшимъ учебнымъ заведеніемъ, въ широкихъ размѣрахъ знакомившимъ русскихъ съ западно-европейскою наукою, и притомъ—что́ особенно важно—знакомившимъ въ духѣ *строго православномъ*. По заявленію Могилы его школы не только должны были обогащать своихъ питомцевъ знаніями, но и служить *утѣшеніемъ православному народу*, представлять изъ себя надежный оплотъ *для православной церкви*. Ближайшимъ назначеніемъ школъ было поднять не только умственный, но и религіозно нравственный уровень южно-русскаго общества и первѣе всего православнаго духовенства, обученіе дѣтей котораго въ коллегіяхъ поставлялось непремѣннымъ условіемъ для полученія ими священническихъ мѣстъ. Поэтому Петръ Могила желалъ и заботился, чтобы въ его школахъ не только процвѣтали высшія науки, «але тымъ барзѣй и надъ все» (но въ особенности и прежде всего) «побожность» (благочестіе) «въ серцахъ молоди абы спаяна и засѣвана была; безъ тое абовѣмъ мудрость вшелякая глупствомъ предъ Богомъ есть и называется слушне (по справедливости)». Эта нравственно педагогическая сторона въ коллегіи обращала на себя такое вниманіе митрополита, что онъ самъ взялся за перо и преподалъ своимъ питомцамъ архипастырскія наставленія (*Анѳоло-*

гіонъ, изд. 1636 г.).... Недостатки Кіево—Могилянскихъ школъ были общими недостатками почти всѣхъ и западно—европейскихъ учебныхъ заведеній того времени. Важно было то, что пробудившаяся въ обществѣ любовь къ просвѣщенію могла находить удовлетвореніе у себя на родинѣ, въ своемъ собственномъ животворномъ для вѣры, а не вредоносномъ источникѣ Затѣмъ, даже и при томъ научномъ запасѣ силъ, коими располагали Могилянскія школы, онѣ немало доставляли своимъ питомцамъ въ отношеніи ихъ просвѣщенія. Они давали имъ основательное знаніе латинскаго языка, открывая тѣмъ широкую дверь въ сокровищницу тогдашней науки, почти исключительно сосредоточенной на этомъ языкѣ. Какъ, по видимому, не безцѣльны были упраженія въ стихоплетствѣ и риторическомъ витійствѣ,—они не проходили безслѣдно для литературнаго развитія языка, хотя бы только и въ стилистическомъ отношеніи; не говоримъ уже о томъ, что изученіе поэтики и риторики не обходилось безъ плодотворнаго знакомства съ лучшими поэтическими и ораторскими произведеніями классической древности. Схоластикой вѣетъ отъ тоговременной философіи, но она оказала громадное вліяніе на формальное развитіе учащихся, пріучивъ ихъ къ послѣдовательному мышленію и точнымъ отчетливымъ опредѣленіямъ. Что же касается до Богословія, или—какъ тогда выражались—*корня и вѣнца всѣхъ наукъ*, то преподаваніе его въ Кіево—Могилянской Коллегіи (еще при жизни П. Могилы), *стояло на высокой степени*. Богословская мысль уже настолько окрѣпла въ Коллегіи, что она дала намъ *систематическое изложеніе православнаго ученія*, послѣ нѣкоторыхъ исправленій и дополненій его на Ясскомъ соборѣ сдѣлавшееся *символическою книгою всей православной церкви* (Православное исповѣданіе); Колегія дала намъ прекрасное церковно—литургическое сочиненіе (Лиѳосъ), обнаруживающее въ ея составителяхъ обширное знакомство съ свято-отеческою и церковно-историческою литературою; дала, наконецъ, нѣсколько полемическихъ сочиненій, не потерявшихъ значенія и до настоящаго времени.

Вліяніе Кіево—Могилянской Коллегіи не ограничивалось предѣлами юго-западной Руси; оно простиралось и на Русь Московскую. Просвѣтительное движеніе, усилившееся въ послѣдней со

2-й половины XVII стол., совершалось не безъ вліянія и участія представителей Кіевской учености. Извѣстно также, что ревностныхъ и талантливыхъ помощниковъ великій преобразователь русскаго государства находилъ себѣ именно въ средѣ означенныхъ представителей.

б) Политическая дѣятельность П. Могилы. «Вся жизнь Петра Могилы—заявляетъ г. Кулишъ—и вся его *политическая дѣятельность* была такимъ же притупляющимъ русское сознаніе явленіемъ, какъ и жизнь князя Василія (Острожскаго) со множествомъ другихъ жизней, выдѣланныхъ іезуитами въ православной средѣ по образу своему и по подобію (*Отдѣленіе Малороссіи отъ Польши*, I. 185). Такой отзывъ г. Кулишъ дѣлаетъ на томъ основаніи, что Могила оставался вѣрно-подданнымъ польскому королю и не содѣйствовалъ, подобно своимъ предшественникамъ по митрополіи—Іову Борецкому и Исаіи Копинскому,—политическому возсоединенію Малой Россіи съ Великою. Приводится г. Кулишемъ и фактическое въ подтвержденіе своего мнѣнія свидѣтельство (безъ цитаты),—именно, «когда братъ усопшаго митрополита, Андрей Борецкій, намекнулъ Могилѣ о возсоединеніи Руси съ Русью, онъ отвѣчалъ, не обинуясь, что *за это стоило бы его посадить на колъ*». Одного этого свидѣтельства достаточно,—восклицаетъ г. Кулишъ,—чтобы знать, кто былъ Могила!» (*Отдѣленіе Малор. отъ Польши*, I. 179).

Во первыхъ, замѣтимъ, что краткое изложеніе означеннаго факта у г. Кулиша не отличается особенною точностію. Дѣло было такъ. Въ 1631 году отправленъ былъ изъ Москвы Андрей Борецкій съ грамотою московскаго государя къ *Запорожскому войску, чтобъ оно Поляковъ не слушало и на Московское государство войной не ходило.* Грамоты эти случайно попали въ руки П. Могилы (въ то время еще архимандрита), который удержалъ ихъ у себя и не далъ возможности переслать въ войско Запорожское, а Андрею Борецкому сказалъ: «достоенъ де ты съ тѣми грамотами кола». Объ этомъ А. Борецкій вкратцѣ отписалъ царю Михаилу Ѳедоровичу и патріарху Филарету, а подробно разсказалъ пріѣзжавшему въ Кіевъ съ шведскимъ посланцемъ приставу Григорію Гладкому (*Москов. Главн. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ.* Дѣла Шведск. 1631 г., № 9.—Цитаты беремъ у г. Эйнгорна).

Что сказать по поводу изложеннаго факта?

Скажемъ тоже, что недавно говорили въ своей (еще ненапечатанной) рецензіи на сочиненіе г. Эйнгорна: «О сношеніяхъ малороссійскаго духовенства съ московскимъ правительствомъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича». Именно, нельзя оцѣнивать историческихъ дѣятелей съ точки зрѣнія одностороннихъ воззрѣній и по личнымъ только симпатіямъ къ тѣмъ или инымъ фактамъ. Мы теперь знаемъ, что возсоединеніе Малой Россіи съ Великою было величайшимъ событіемъ, принесшимъ обильные плоды въ дѣлѣ дальнѣйшаго преуспѣянія нашего отечества,—событіемъ весьма полезнымъ и для охраненія православія отъ враждебныхъ на него натисковъ; мы цѣнимъ и чтимъ поэтому и тѣхъ историческихъ дѣятелей, которые сочувствовали и содѣйствовали означенному возсоединенію. Но какъ ни грандіозно самое событіе, все-таки упрекать Могилу и класть на его нравственныя качества тѣнь за то, что онъ не содѣйствовалъ скорѣйшему его осуществленію, историкъ права не имѣетъ. Потомокъ молдавскихъ господарей, находившихъ для себя всегдашнее покровительство со стороны Польши, а во время политическихъ невзгодъ и радушный пріемъ здѣсь, самъ—по удаленіи изъ отечества—привѣтливо принятый Польскою Короною, удостоенный здѣсь виднаго поста, добившійся предъ правительствомъ для православной церкви возстановленія ея правъ, постоянно пользовавшійся благосклонностію короля, а иногда и его щедротами, связанный, наконецъ, со многими польскими семьями узами крови,—могъ ли П. Могила заводить сношенія (и допускать ихъ въ средѣ своихъ подчиненныхъ [1]), *во вредъ своей второй родинѣ*, съ сосѣднимъ, хотя бы и единовѣрнымъ государствомъ?... Какъ мы посмотрѣли бы въ настоящее время на католическаго епископа, *русскаго вѣрноподданнаго*, который дерзнулъ бы войти во вредныя для Россіи сношенія съ однимъ изъ сосѣднихъ, единовѣрныхъ ему государствъ?... Борецкій, Копинскій и ихъ сподвижники могли находить для себя оправдательные поводы [1]) въ дѣлѣ освобожденія себя отъ вѣрноподданническихъ отношеній къ Польшѣ: Могила такихъ поводовъ *не имѣлъ*.

[1]) Эти оправдательные поводы прекрасно выражены (хотя нѣсколько въ иной краскѣ и комбинаціи) львовскими православными мѣщанами въ инструк-

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о несмѣтныхъ якобы богатствахъ П. Могилы и привольной въ матеріальномъ отношеніи жизни его ближайшихъ сподвижниковъ.

Что П. Могила получалъ, какъ настоятель Кіево-Печерской обители, довольно значительные доходы,—это, разумѣется, справедливо. Но вопросъ—куда шли эти большія денежныя полученія?—Шли они на устройство школъ, жалованье профессорамъ, пропитаніе малоимущихъ питомцевъ, на реставрацію храмовъ и обителей, на хлопоты по дѣламъ церковнымъ, вообще „на нуждную потребу церкви». Не «гроши» удѣлялъ Могила на эту потребу, но прилагалъ къ получаемымъ доходамъ и *собственное свое*, доставшееся отъ родителей, имущество, значительная часть котораго имъ и была издержана на означенное вспомоществованіе и дѣла благотворенія.

Изъ ближайшихъ сподвижникпвъ П. Могилы указываютъ на Сильвестра Коссова, какъ человѣка хорошо въ матеріальномъ отношеніи обезпеченнаго и вообще заботящагося о собственныхъ *приватахъ*. Мнѣніе по этому вопросу вмѣстѣ съ г. Кулишемъ раздѣляетъ и г Эйнгорнъ. Повторимъ, что мы сказали относительно этого мнѣнія въ упомянутой своей рецензіи на сочиненіе послѣдняго.

Избранный по смерти Іосифа Бобриковича (—апрѣль 1634 г.) на мстиславскую епископію, Коссовъ, вслѣдствіе происковъ латино-уніатовъ, сразу поставленъ былъ въ высшей степени стѣснительныя матеріальныя условія. Процессы его съ латино-уніатами достаточно извѣстны даже по документамъ обнародованнымъ. До

ціи (1609 г.), данной посламъ, отправляемымъ въ Варшаву для ходатайства объ облегченіи своей участи. Въ инструкціи говорится, что послы должны первѣе всего просить короля, чтобы онъ даровалъ православнымъ мѣщанамъ гор. Львова права, которыми пользуются здѣсь поляки. Если король не соизволитъ на это, то просить его объ уравненіи ихъ въ правовомъ отношеніи съ армянами; если и на это не согласится, то ходатайствовать, по крайней мѣрѣ, о сравненіи съ *жидами*, такъ какъ и они имѣютъ въ Львовѣ большія вольности (=права), нежели русскіе". А если бы—читаемъ далѣе въ инструкціи,—боронь Боже, и такъ не хотѣлъ, якъ жидомъ волности намъ допустити, рады (совѣта) не машъ: *только волного листу о перестя до Волохъ набыть просити*". Жартъ то (смѣхъ это)—заявляютъ православные, *але злый то жартъ*!

какой степени процессы эти истощали скудные доходы мстиславской епархіи, видно изъ писемъ Коссова къ П. Могилѣ. «Что касается—читаемъ въ письмѣ отъ 1641 года—нападковъ со стороны апостатовъ (уніатовъ), то я готовъ положить себя на вѣсахъ съ Твоею Превелебностію; но что касается *недостатка и крайняго убожества* (niedostatku et extremae egestatis), то по истинѣ *въ этомъ отношеніи* первый между всѣми епископами (u tym primus miedzy episkopami wszystkiemi)... Въ Вильнѣ и Варшавѣ вожди уніи меня на крестъ прибиваютъ, епархію мою расхищаютъ, баниціями угрожаютъ». Бѣдность Коссова послѣ шестилѣтняго управленія (1641 г.) мстиславскою епархіею доходила до того, что онъ всею душою расположенный къ Могилянской Коллегіи и принимавшій въ ея преуспѣяніи самое горячее участіе, не могъ послать ей (что дѣлали другіе іерархи) даже небольшаго вспомоществованія, будучи niedostatkiem od wołokit ustawicznych y spraw cierkiewnych zacisniony *(Рукоп. сбор. Кіево-Печ. лавры, № 20)*. Напрасно поэтому авторъ упрекаетъ С. Коссова, что онъ очень много заботился о своихъ личныхъ матеріальныхъ выгодахъ. Приводимыя имъ въ доказательство этого выдержки изъ діаріуша Аѳанасія Филипповича о томъ, что „Господинъ отецъ Коссовъ двохъ тисячей золотыхъ въ каждый рокъ на владыцтво могилевское доходитъ»,—свидѣтельствуютъ ни о чемъ иномъ, какъ о заботливости сего іерарха пользоваться законно предоставленнымъ ему правомъ. Скажемъ болѣе: эта заботливость входила въ кругъ *обязанностей* мстиславскаго епископа.

Не разбогатѣлъ С. Коссовъ и по вступленіи на кіевскую митрополичью каѳедру. Его предшественникъ по сей каѳедрѣ П. Могила еще могъ считаться хорошо обезпеченнымъ въ матеріальномъ отношеніи, потому что съ саномъ митрополита совмѣщалъ званіе и великаго архимандрита богатой помѣстьями Кіево—Печерской Лавры. Но это совмѣщеніе было временное. По смерти Могилы на означенную архимандрію избранъ былъ Іосифъ Трпзна, а Коссовъ, по вступленіи на митрополію, пользовался немногими и бѣдными угодьями одной только каѳедры. Какъ бѣденъ былъ Коссовъ и въ санѣ митрополита, авторъ долженъ бы видѣть изъ документовъ хорошо ему извѣстныхъ. Такъ въ цитованномъ имъ

актѣ—письмѣ С. Коссова къ царю Алексѣю Михайловичу съ просьбою о вспомоществованіи Кіевскимъ школамъ — митрополитъ заявляетъ, что его предшествинникъ П. Могила благочестивыхъ ученыхъ иноковъ, живущихъ въ Кіево—Братскомъ монастырѣ «своимъ иждивеніемъ во всякомъ обиліи довольствовати творяше». По преставленію же—пишетъ далѣе Коссовъ—прежде меня бывшаго вышереченнаго митрополита, мнѣ убожайшему паче оного, *зъ зѣло малѣйшимъ стяжаніемъ* данну тое митрополіи престолу къ правленію, и тіи благочестивые иноцы въ довольствѣ оскудеша (А. Ю. и З. Р. Ш № 261, стр. 326). Въ другомъ письмѣ къ царю 1651 г.) С. Коссовъ пишетъ: «избранъ я на митрополію кіевскую во время нужное, когда учинилась въ нашей литовской землѣ нынѣшняя междуусобная брань; крестьяне, приписанные къ церкви св. Софіи, пошли теперь въ козаки, послушанія и строенія отъ нихъ нѣтъ, только надѣемся помощи отъ Бога и твоего царскаго величества. Въ церви Св. Софіи нѣтъ книгъ двѣнацати миней мѣсячныхъ, да прологовъ на весь годъ, да Ѳеофилакта, да устава большого; а я отъ многихъ наѣздовъ властелинскихъ ,которые властели въ Кіевъ пріѣзжаютъ изъ Польши, отъ пановъ и отъ козацкихъ старшинъ *изнищенъ до конца, не могу нечего купить*. Вели, государь, дать свое жалованье: 12 миней мѣсячныхъ, да прологи сентябрское и мартовскіе, да Ѳеофилакта, да уставъ большой; и на меня умилосердись: на одежду, *на одежду теплую пожалуй, чемъ бы мнѣ зимою согрѣться* (*Соловьевъ*, исторія Россіи, т. X. изд. 3, стр. 287—288). Что въ приведенныхъ письмахъ С. Коссовъ не преувеличивалъ своей матеріальной скудости, это видно и изъ другихъ источниковъ. Такъ, напр., въ статейномъ спискѣ окольничаго Батурлина, составленномъ вскорѣ *послѣ смерти* Коссова, о послѣднемъ упоминается какъ о человѣкѣ *убогомъ*, не имѣвшемъ *чемъ поживиться* и прибѣгавшемъ за вспомоществованіемъ къ капитулѣ Кіево—Печерской (А. Ю. и З. Р. XI, стол. 684).

Мы кончили. Невѣрное освѣщеніе дѣятельности историческихъ личностей—явленіе въ литературѣ нерѣдкое; но рѣдко оно

доходитъ до такихъ каррикатурныхъ размѣровъ, какіе усматриваются въ книгѣ г. Кулиша при его сужденіяхъ о приснопамятномъ митрополитѣ Петрѣ Могилѣ.

С. Голубевъ.

О Кіево-Софійскомъ Соборѣ, по поводу статьи о немъ помѣщенной въ № 105 „Кіевлянина".

Въ статьѣ о вновь открытыхъ фрескахъ Кіево-Софійскаго собора, помѣщенной въ № 105 «Кіевлянина», сказано, будто соборъ этотъ не сохранился въ первоначальномъ своемъ видѣ, что онъ былъ ограбленъ въ 1169 году княземъ Мстиславомъ, былъ въ рукахъ уніатовъ съ 1596 года и что они то— уніаты забѣлили древнюю фресковую живопись въ соборѣ, которая открыта въ 1849 году.

Свѣдѣнія эти невѣрны; считаемъ нужнымъ исправить ихъ. При самомъ простомъ обозрѣніи Софійскаго собора нельзя не видѣть, что зданіе его внутри сохранилось безъ всякаго поврежденія въ томъ видѣ, въ какомъ оно было при вел. князѣ Ярославѣ Владиміровичѣ, за исключеніемъ только западной паперти, обрушившейся въ 1622 году. Въ наружномъ же своемъ видѣ Соборъ потерпѣлъ значительныя измѣненія или лучше сказать наращенія въ концѣ 17 вѣка, спустя полвѣка послѣ митрополита Петра Могилы. Наращенія эти состоятъ въ томъ, что съ сѣверной и южной стороны надъ древними одноэтажными папертями надстроены верхнія паперти, образовавъ 2-й этажъ, прилегающій къ хорамъ, а надъ этими верхними папертями возведено еще 6 куполовъ, отличныхъ по своей формѣ отъ находящихся между ними 5-ти древнихъ куполовъ. Ограбленъ нашъ Соборъ не въ 1169 году, а въ 1171 году, и не Мстиславомъ Изяславичемъ, княжившимъ предъ тѣмъ въ Кіевѣ, а сыномъ суздальскаго князя Андрея Боголюбскаго, Мстиславомъ Андреевичемъ, который, взявъ Кіевъ, два дня грабилъ Подолье и гору и монастыри и Софію и Десятинную Богородицу, а приведенные имъ «Суздальцы и Черниговцы обнажиша церкви иконами и книгами и ризами, и колоколы из-

несоша,» какъ говорится въ лѣтописи. Во второй разъ кіевская св. Софія ограблена въ 1203 г. смоленскимъ княземъ Рюрикомъ Ростиславичемъ, добивавшимся кіевскаго престола съ черниговскими князьями Ольговичами, при чемъ они унесли не только ризы съ иконъ, честные кресты и св. сосуды, но и порты (драгоцѣнныя одежды) первыхъ кіевскихъ князей, которые ими повѣшены были тамъ въ память о себѣ, и «сотвориша зло велико въ Рустѣй земли, якогоже зла не было отъ крещенья надъ Кіевомъ». Затѣмъ слѣдовали татарскіе грабежи: Батыя въ 1240 году и Менгли-Гирея въ 1484 году, на долю коего, можетъ быть, осталось уже немного цѣннаго потому, что въ промежутокъ времени между нашествіемъ Батыя и нападеніемъ Менгли-Гирея немало церковной утвари Софійскаго собора переходило въ 14вѣкѣ мирнымъ путемъ изъ Кіева въ Москву по причинѣ пребыванія кіевскихъ митрополитовъ Петра, Ѳеогноста, Алексія, Кипріана и Фотія больше въ Москвѣ, чѣмъ въ Кіевѣ, о чемъ свидѣтельствовалъ и великій князь литовскій Витовтъ на Виленскомъ соборѣ западно-русскихъ епископовъ 1509 года, говоря, что, «митрополове, пришедши изъ Москвы, о томъ только пекутся, еже, обрѣтши что красно въ св. Софіи, себѣ взяти». Впрочемъ Менгли-Гирей успѣлъ еще найти въ кіевской Софіи золотую чашу, которую послалъ въ даръ московскому великому князю Іоанну III, своему союзнику. Съ раздѣленіемъ русской митрополіи въ половинѣ 15 вѣка на двѣ отдѣльныхъ митрополіи: кіевскую и московскую и съ переселеніемъ кіевскихъ митрополитовъ на постоянное жительство въ Новогрудокъ, близъ столицы литовскихъ князей— Вильны, митрополичья св. Софійская церковь дошла до такого запустѣнія, что оставалась безъ кровли, на стѣнахъ ея росли кустарники, а въ папертяхъ укрывались отъ стужи и зноя животныя. Крайняя бѣдность этого каѳедральнаго храма видна изъ ея описи 1577—1580, по которой въ ней значилось изъ церковной утвари только одна серебряная чаша съ дискосомъ, 2—напрестольныхъ евангелія, 3—священническія ризы и нѣсколько покровцевъ. По другой описи, составленной въ 1600 г., по случаю смерти митрополита Михаила Рагозы, въ Кіевской Софіи почти ничего не нашлось изъ церковной утвари, такъ какъ чаша, сере-

брянная кадильница и крестъ позолоченый были въ закладѣ — чаша съ кадильницей за 18 копъ злотыхъ, а крестъ за 7 копъ злотыхъ; богослужебныя книги находились внѣ церкви, у нагорнаго попа Филиппа. Въ такомъ жалкомъ видѣ и состояніи Софійскій нашъ соборъ перешелъ въ руки уніатовъ въ 1610 году, и чрезъ 23 года отобранъ отъ уніатовъ православнымъ митрополитомъ кіевскимъ Петромъ Могилою, который совершенно вѣрно писалъ въ своемъ письмѣ царю Михаилу Өеодоровичу, что онъ принялъ св. Софію «безпокровну, украшенія церковнаго, св. сосудовъ, иконъ и свящ. одеждъ и единаго не имущу». Ревнуя о благолѣпіи Св. Софіи, «матери церквей россійскихъ», Петръ Могила частію на пожертвованіе царя Михаила Өедоровича и другихъ жертвователей, а частію на собственный счетъ скоро обновилъ и украсилъ св. Софію, которую, по его словамъ, «выкопалъ изъ развалинъ» и снабдилъ цѣнною утварью. Незадолго до смерти онъ внесъ ее въ ризницу кіево-печерской лавры, опасаясь военнаго нападенія поляковъ, но, по свидѣтельству митрополита Евгенія, этой утвари не удалось уже возвратить изъ лавры ни самому митрополиту Петру, ни его преемникамъ.

Владѣя Софійскимъ соборомъ и пользуясь угодьями митрополичьей каөедры въ теченіе 23 лѣтъ—до 1633 года, уніаты не уничтожили мозаикъ и не забѣливали фресковыхъ св. изображеній, бывшихъ въ этомъ соборѣ, да и не было въ томъ надобности, такъ какъ богослуженіе въ теченіе этого времени не совершалось въ соборѣ и даже главный входъ въ него съ западной стороны былъ заваленъ обвалившеюся въ 1622 г. папертью.

Мозаики обваливались сами собою, вмѣстѣ съ штукатуркой, отъ сырости, проникавшей въ непокрытые своды храма; испорченные въ значительной степени фрески забѣлены не уніатами, а православными уже въ концѣ 17 вѣка, при митрополитѣ Гедеонѣ Четвертинскомъ или Варлаамѣ Ясинскомъ, какъ свидѣтельствуетъ о семъ бывшій въ Кіевѣ въ 1700 г. проѣздомъ въ Іерусалимъ московскій попъ Лукьяновъ. Забѣленіе это сдѣлано однако не изъ желанія уничтожить древнюю иконопись, а-такъ сказать — для благоприличія и чистоты, при недостаткѣ средствъ обновить ее, подобно тому какъ въ томъже вѣкѣ засыпаны валомъ «Золотыя

Ворота», по распоряженію гражданскаго начальства, «вящшаго ради ихъ сохраненія».

Забѣленные и послѣ побѣлки закрытые новою живописью фрески открыты не въ 1849, какъ сказано въ «Кіевлянинѣ», а въ 1843 году академикомъ Ѳ. Г. Солнцевымъ, бывшимъ въ то время въ Кіевѣ для наблюденія за возобновленіемъ живописи въ великой лаврской церкви; случаемъ же къ открытію этой живописи послужило отпаденіе слоя штукатурки въ соборѣ подъ хорами, въ придѣлѣ архангела Михаила, подъ которою замѣчена церковнымъ причтомъ особенная древняя иконопись. Въ необновленномъ видѣ оставлена фресковая живопись въ алтарѣ не одного Георгіевскаго придѣла, но и въ Архангело-Михайловскомъ—на запрестольной абсидѣ, на стѣнахъ алтаря и въ проходной аркѣ.

П. Л.

Нынѣшнее положеніе работъ по постройкѣ храма Воскресенія Христова.

Мученическая кончина въ Бозѣ почивающаго Императора Александра II, глубокою скорбію отозвавшаяся въ серцахъ всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ, вызвала мысль увѣковѣчить память о Царѣ-Освободителѣ сооруженіемъ храма во имя Воскресенія Христова. Проэктъ храма въ томъ видѣ, какъ онъ строится, удостоился Высочайшаго утвержденія 1-го мая 1887 г. Сооружаемый храмъ, по волѣ Государя Императора, воздвигается въ стилѣ временъ Московскихъ Царей XVII вѣка. Длина продольной оси храма составляетъ 27 саж., длина поперечной оси черезъ главный куполъ—14 саж. 1 арши., а длина поперечной оси черезъ колокольню и входъ — 21 саж. Высота храма надъ главнымъ куполомъ, крытымъ восьмигранным шатромъ, съ крестомъ, достигаетъ 35 саженъ. Второе мѣсто, по отношенію высоты, занимаетъ колокольня, вѣнчанная луковицеобразною золотою главою; общая высота ея съ крестомъ проектирована въ 28 саж. Четыре малыхъ купола, высота которыхъ достигаетъ 22 саж., и шесть меньшихъ главъ, всѣ покрываются луковицеобразными пестроизразчатыми головками (желтого, бѣла-

го, зеленаго и бирюзоваго цвѣтовъ), меньшая же надъ алтаремъ будетъ позолочена. Главный карнизъ, окаймляющій всѣ части храма (кромѣ алтарныхъ, гдѣ онъ ниже), а также и колокольню помѣщается на высотѣ 10 саженъ. Нижняя часть цоколя, общая высота котораго достигаетъ 4 арш. 9 верш., облицована шестью рядами русскаго гранита (съ острова Германа, на Ладожскомъ озерѣ), изъ которыхъ два нижнихъ ряда темно-сѣраго, а остальные--свѣтло-сѣрого цвѣта. Облицовки остающейся части цоколя изъ эстляндскаго мрамора. Въ виду главнаго назначенія храма, архитекторъ-строитель обратилъ вниманіе на ту часть, которая окружаетъ мѣсто страшного событія, т.-е. къ сторонѣ колокольни. Снаружи надъ цоколемъ, подъ громаднымъ окномъ, освѣщающимъ это мѣсто, будетъ выступать, подъ большимъ навѣсомъ, на золотомъ мозаичномъ фонѣ, мраморное Распятіе, съ иконами по обѣ стороны святыхъ дня рожденія и дня кончины въ Бозѣ почивающаго Императора. Вся стѣна выше, до главнаго карниза, имѣетъ быть украшена Россійской Имперіи гербами всѣхъ губерній, а вокругъ вѣнца колокольни помѣстится, подъ золоченою главою, высѣченная изъ камня надпись, на золотомъ мозаичномъ фонѣ, изъ молитвы Василія Великаго, имѣющей соотношеніе къ идеѣ храма. Отдѣлка стѣнъ храма подъ цоколемъ предполагается изъ облицованнаго кирпича въ четыре тона, съ примѣненіемъ мѣстами эстляндскаго мрамора. Иконы фасадовъ предполагается воспроизвести изъ мозаики, по удешевленному способу Сальвіати. Двѣ главныя мозаики должны изображать Сошествіе Спасителя во адъ и Вознесеніе Господне. Мозаики четырехъ входовъ слѣдующія: Распятіе, Снятіе со креста, Воскресеніе Христово и Явленіе Спасителя ученикамъ. Кромѣ того, предполагается главный, т. е. западный, фасадъ украсить большими мозаиками: Богоматери, Іоанна, ученика Спасителя, и Нерукотвореннаго Образа, несомаго ангелами. На постройку храма, по предварительной смѣтѣ, изчислено 1. 878. 613 руб. 53 коп., въ томъ чѣслѣ на живописныя работы 305.750 руб. Въ эту смѣту не вошли расходы на мозаики, постройку моста, устройство ограды вокругъ храма, отопленіе и ремонтъ временныхъ построекъ и на содержаніе личнаго состава, которые не могли быть точно исчислены, по затруднительности безошибочно опредѣлить время

окончательной отстройки храма; ежегодныя же затраты по статьѣ на содержаніе личнаго состава простираются до 20. 000 руб. въ годъ. Всего на этотъ предметъ можетъ потребоваться не менѣе 200 000 руб. Такимъ образомъ, сооруженіе храма, не включая мозаичныхъ воспрозведеній и устройства моста и ограды, потребуетъ не менѣе 2.078.600 рублей. Постройка въ самомъ началѣ представила большія затрудненія по устройству фундамента и укрѣпленію основанія храма. Пришлось вбивать три ряда свай, сперва трехъсаженныхъ, а потомъ пятисаженныхъ, съ засыпкою землею, щебнемъ, заливкою цементомъ и съ бетонною настилкою, что, все вмѣстѣ, образовало искуственную скалу, на которой была начата кладка фундамента. Теперь постройка храма доведена до главнаго карниза, съ обдѣлкой всѣхъ выступающихъ частей, какъ-то колонокъ, карнизовъ, поясковъ, и проч., эстляндскимъ мраморомъ. Въ виду того, что храмъ во имя Воскресенія Христова долженствующій служить вѣчнымъ памятникомъ, строится на счетъ общихъ пожертвованій и что, быть можетъ, въ нѣкоторыхъ учрежденіяхъ имѣются собранныя на этотъ предметъ суммы, Коммиссія проситъ: всѣ суммы эти, какъ равно и новыя пожертвованія, доставлять въ Кабинетъ Его Императорскаго Величества. Въ заключеніе всего вышеизложеннаго, слѣдуетъ напомнить, что дѣло, конечно, не въ величинѣ приношеній, а въ возможно большей ихъ распространенности и въ томъ сочувствіи къ богоугодному дѣлу, которое всегда и вездѣ свидѣтельствовало о присутствіи въ русскихъ людяхъ «духа жива», не оскудѣвающаго и въ наши дни. Храмъ Воскресенія Христова да посвидѣтельствуетъ о томъ и въ далекіе грядущіе годы.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Содержаніе: Слово на Вознесеніе Господне и въ день рожденія Е. И. В. Государя Наслѣдника, цесаревича и вел. князя Николая Александровича. Въ защиту митрополита кіевскаго Петра Могилы.—О Кіево-софійскомъ соборѣ по поводу статьи, помѣщенной въ № 105 „Кіевлянина".—Нынѣшнее положеніе работъ по постройкѣ храма Воскресенія Христова.—Объявленія.

Отъ Кіевскаго духовнаго цензурн. Комитета печат. дозвол. 29 мая 1893 г.
Цензоръ, Протоіерей *М. Богдановъ.*

Кіевъ, типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул. д. № 4.